Из переписки И. А. Ильина с П. Н. Врангелем

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
2 марта 1923 г.

№ к/1312 Сремски Карловцы,
2 марта 1923 г.

Милостивый государь Иван Александрович.

А. И. Гучков сообщил мне[1] о той сердечной отзывчивости, с которой Вы отнеслись к мысли моей об устройстве некоторого числа молодых людей, оканчивающих кадетские корпуса и военные училища, в высшие учебные заведения в Берлине.

Горячо благодарю Вас за проявленное участие и готовность помочь этому начинанию.

Открываемый в Берлине при Вашем участии Русский научный институт, конечно, явится лучшим прибежищем для нашей учащейся молодежи, стремящейся здесь, на чужбине, завершить свое образование.

Поэтому Вам должно быть понятно то чувство сердечной радости и удовлетворения, которое я испытал, осведомившись, что судьбы наиболее близкой мне части русского юношества, последовавшего за Армией в чужие края, могут быть переданы в столь верные и благожелательные руки.

Одновременно с этим я обратился к В. И. Ясинскому как предполагаемому ректору Института и в его лице ко всей коллегии профессоров с горячей просьбой принять в Институт примерно 300 человек, оканчивающих средние военно-учебные заведения, и не отказать им в своем сердечном попечении и заботах.

Я не сомневаюсь, что авторитетный голос профессорской коллегии Института мог бы привлечь к себе внимание русской и иностранной благотворительности и помочь преодолеть за-

труднения, связанные с устройством слушателей Института в Берлине.

Зная Ваше исключительно отзывчивое отношение к русской учащейся молодежи и Вашу энергию, отданную делу воспитания юношества, я позволю себе горячо просить Вас содействовать осуществлению этого благого дела, отвечающего нашему нравственному обязательству

спасти триста молодых, ценных для России, жизней и подготовить в их лице кадры будущих работников по восстановлению нашего Отечества.

Прошу принять уверение в совершенном моем уважении.

П. Врангель

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
5 апреля 1923 г.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Любовью, волею, словом и делом я связан с Добровольческою армиею с ноября 1917 г.[2] Так будет и впредь. Я всегда сделаю для нее все, что в моих силах; ее враги будут моими врагами и ее друзья будут моими друзьями. Всякая общественная комбинация, двоящаяся в отношении к ней, внушает мне подозрение и заставляет меня отстраниться.

В армии, руководимой Вами, мне всего дороже ее живое вдохновение, уже превратившееся в волевой характер. Это вдохновение в корне своем *религиозно*; этот характер в строении своем *рыцарственен*. История человечества обогатилась новым *орденом*; Россия рухнула потому, что такого ордена у нее не было; без такого ордена Россия не возродится; падение большевиков и конец революции должны быть не концом его, но укреплением. Идея этого ордена должна быть осознана, выговорена, раскрыта во всей ее государственно-патриотической силе. В разложении мировой политики, культуры и религиозности — это гнездо духовного здоровья. Драгоценнее всего — блюсти его внутренний, вполне не насилуемый и вполне необходимый рост. Я сам — глубоко убежденный монархист; я считаю подлинную монархию одним из самых чудесных достижений духовной жизни. И в то же время я считаю глубоко правильною позицию Главного Командования в этом вопросе: бутон не расковыривают, он расцветает сам; и когда расцветет — явит красоту. В течение ближайших месяцев я буду печатать мои книги, написанные и выношенные в сатанинской плавильне, — о сущности правосо-

знания и о монархии[3]. Я ни словом не упомяну в них о нашей Армии, ее делах и вождях. Но я взрастил их в том духовно жгучем опыте любви и ненависти, скорби и смерти, в котором я побратался с самого начала с моими братьями на юге. И я не сомневаюсь, что их сердца узнают мою мысль.

Я хотел бы тогда, чтобы в этом обращении моем к Вам, глубокоуважаемый Петр Николаевич, Вы восприняли голос всех моих друзей-единомышленников, которых я оставил в далекой чудесной, но униженной Москве и живым органом которых я себя здесь, в изгнании, чувствую.

Посылаю Вам первое, что напечатал после пятилетнего молчания[4].

Искренно и глубоко преданный Вам

И. Ильин.

1923 IV.5/III.23
Berlin — Grunwald Jagow Str., 10—11.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
27 апреля 1923 г.

№ к/2053 Сремски Карловцы,
27 апреля 1923 г.

Милостивый Государь Иван Александрович,

Письмо Ваше от 5-го сего апреля глубоко меня тронуло — тронуло сердечностью, проникновенною любовью к Армии, чутким пониманием ее значения и оценкой занятой ею политической позиции.

Дружеский голос особенно дорог в настоящие тяжкие дни.

Особенно дорог мне Ваш именно голос — голос человека, только что вернувшегося из советского плена и имевшего возможность среди скорби и смерти, среди тягостных душевных и физических переживаний оценить красоту подвига тех, которые в 1917 г. подняли русское национальное знамя, втоптанное в грязь большевиками, и начали неравную борьбу с нынешними поработителями России, за которыми шло все то мутное, что всплыло на поверхность в дни русской смуты.

Сознание, что тяжкие испытания последних пяти лет заставили опамятовать русский народ, что Ваши единомышленники, о которых Вы пишете, думают и чувствуют в России так же, как и мы на чужбине, — бесконечно дорого.

Незримые нити, связывающие их, как и Вас, с Армией, ежечасно крепнут и разрастаются, и недалек тот радостный час,

когда ныне находящаяся на чужбине Русская армия вернется на Родину и будет принята Россией как духовно близкое и бесконечно родное.

Рад был бы с Вами познакомиться, рад был бы установлению личного Вашего общения с моими соратниками.

Благодарю Вас сердечно за присланную брошюру.

Прошу Вас принять уверение в совершенном моем уважении и преданности.

П. Врангель

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
30 октября 1923 г.

№ к/2622 Сремски Карловцы,
30 октября 1923 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович.

Посылаю Вам на память альбом[5] со снимками Русской армии, рассредоточенной на Балканах. При самых невероятных условиях Армию удалось сохранить. Я знаю, что Вы — друг Армии, а потому думаю, что для Вас будет представлять известный интерес прилагаемый альбом. Армия укрылась в труде, о ней теперь никто ничего не слышит. Никто ее не видит. Но она есть. Снимки альбома вовсе не «потемкинские деревни». Несмотря на трудовые условия жизни в гражданском быту на чужбине, части сохранили в неприкосновенности воинский дух и жертвенность. Налицо спайка между собой и неразрывная связь с командованием, основанные на чисто нравственных началах добровольного подчинения.

Я не делаю себе никаких иллюзий насчет будущего. Вечно такое состояние продолжаться, конечно, не может, но и в этом отношении будет сделано все, чтобы создать обстановку для возможно длительного сбережения кадров Армии и впредь, при неизбежных переменах в условиях ее существования в будущем.

С горечью должен сознаться, что помощи со стороны было мало. И слева, и справа Армия и я лично в течение скольких лет подвергались систематической травле. Полезному же при всяком положении в России делу противопоставлялся все тот же никчемный беженский разговор на политические темы, выдававшийся за организованность и работу.

Примите уверение в моем искреннем уважении и совершенной преданности.

П. Врангель.

И. А. ИЛЬИН
ЗАПИСКА О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ

Октябрь 1923 г.[6]

1. Нет сомнения, что ключ к России — в Москве. Централизация современного государства вообще и большевистского в частности такова, что владеющий нервно-императивным центром — владеет всем организмом. Это верно и для других стран, с большей самодеятельностью населения; это верно, особенно, для России с ее пассивным, разбросанным населением. Поэтому периферическая позиция будет всегда или рваться к центру, или распадаться. Посему точка для приложения силы в Москве (отчасти лишь в Петербурге).

2. Всякая революция есть попытка больной массы прорваться к своекорыстно-захватывающей самодеятельности. Поэтому революция кончается тогда, когда масса находится в *безвольной прострации*: тогда она поняла свою неспособность к государственному изволению; тогда она *не может* больше хотеть и (что еще важнее) *не хочет* больше хотеть. Отсюда жажда успокоиться в чужой воле, испытывая ее как *свою собственную мудрость* и свое спасение. Революция кончена тогда, когда масса сумрачно молчит и покаянно ждет. Тогда начинается выдифференциация инстинкта национального самосохранения и глухие, смутные поиски персональной воли спасителя.

3. Чем больше эта спасающая воля говорит на богопротивном языке революции (хотя бы делая в действительности обратное); чем меньше она *пугает* отплясавшую стихию; чем больше она *кажется* сама скомпрометированною в общем и совместном революционном блуде — тем *легче* ей и тем *раньше* может она стянуть к себе *силы* революционной болезни и незаметно ввалить их в процесс оздоровления. Такая фигура может попытаться *вынырнуть* из революции, поставив ее силу к *своим* услугам и не напрягая ее против себя.

На этом покоятся, конечно, расчеты Брусилова, Зайончковского, Слащева, может быть, Троцкого (вряд ли полк<овника> Каменева и Буден<н>ого)[7].

Брусилова и Зайончковского я знаю; оба старчески хитры и трусливо-расчетливы. Поэтому ничего *сами* не сделают, если *их* не сделают события. Слащева — не знаю. Тухачевский[8] — очень честолюбив, фаталистичен, молчалив; кажется, не умен; может стать центром заговора; вряд ли справится. Полк<овник> Каменев просто штабной спец из радикалов. Буден<н>ый будет еще служить Царю. Троцкий — умен, выдержан, пре-

красный актер, глубоко беспринципен, тактически большой ловкач; думаю, что он давнишний сотрудник немцев.

4. Если в Москве точка для приложения силы, — то там же и сила для приложения точки. Центром контрреволюции должна быть Москва. Кто действительно хочет работать — тот должен работать *там*. И притом в *Красной Армии,* и особенно в войсках особого назначения (25 000—30 000). Это очень трудно и очень опасно, но *единственно реально*. Для этого необходимы кадры выдержанных и опытных *конспираторов*; иначе все будет вырезаться по мере сосредоточения. Правила конспирации существуют. Они не столько внешни, сколько *внутренни* (психологическое самообладание). Всякое дилетантство здесь пагубно. Из поколения старых революционеров этими навыками лучше всего владеют **Бурцев**[9] и Савинков; можно было бы осторожно добыть от них эти правила.

5. Заговор должен *непременно* **обладать крупными денежными средствами — ибо повальная продажность есть один из итогов революционного разложения и нищенства**. Конспиративная организация *лучших* элементов не будет иметь успеха без подкупа *худших*. Все может зависеть от подкупа телеграфиста или часового. Достаточно вспомнить, как Наполеон купил Талейрана и Барраса[10].

6. Современная революция есть не только продукт интеллигентской беспочвенности и не только коллективное преступление революционных партий.

Она имеет свои исторические, органические корни в жизни масс; без этих корней — партии были бы бессильны; большевики укрепились на года только потому, что присосались к этим корням. Ликвидация революции должна идти к этим корням и от этих корней.

Подобно Смуте, Разиновщине и Пугачевщине, это есть бунт крестьянской массы против государственного и хозяйственного тягла; иными словами, это есть движение против крепостного уклада, *формально* отмененного Александром II, но пережившего свою отмену в *атмосфере* крестьянского *неравноправия* и *неравноземлевладения*. Крестьянство и теперь хотело *земли* и *равноправия*, причем ни формулировать этого, ни организовать этого — само *не могло*, *не может* и *не сможет*.

Прочно ликвидировать революцию можно, только дав крестьянам в каких-то *осязательных* формах «землю» и «гражданское равноправие».

7. Ликвидация революции требует овладения *психикой массы*. Для этого необходимо:

1) Окончательное провозглашение гражданского равенства (ликвидация *атмосферы* крепостного права).

2) Аграрная консолидация, не возвращающая механически дореволюционного распределения земли и, клеймя захват, предоставляющая крестьянству использовать известные «козыри» захватчика (ликвидация *атмосферы* крепостного *хозяйства*).

3) Искусное сочетание широкой амнистии с сосредоточенным и неуклонным искоренением (ликвидация атмосферы революционной *вины* и революционного *страха*).

4) Наличность импонирующей персональной воли с явно и бесспорно сверхклассовыми решениями (ликвидация атмосферы революционного многовластия, произвола и междуклассовой войны).

8. Одним из главных препятствий к перевороту является, конечно, осведомительная и ликвидационная деятельность Г. П. У.

Г. П. У. есть учреждение сложное. Помимо действительных коммунистов, там, по всем видимостям, работают и крайние правые (не только из охранного отделения) и, наверное, и агенты германцев. Генерал Комиссаров[11] работал у большевиков еще в Смольном монастыре. Очень опытные и осведомленные люди не раз указывали на то, что еще при Керенском, выходя в отставку, Комиссаров получил повышенную пенсию голосами советских большевиков; что Басов[12], убивший Кокошкина и Шингарева, и Железняков, разогнавший Учредительное собрание, — были *его* агентами. Деятельность его в Болгарии против Армии мотивировалась и с крайнего лева и с крайнего права. Я думаю, что он <со>стоит в связи с Людендорфом[13], и не исключено, что Троцкий и Уншлихт[14] (заместитель Дзержинского) знают об этом. В течение всех этих лет можно было наблюдать, как заведомые члены Союза русского народа[15] вызывающе действовали среди коммунистов, нередко демагогируя их налево. По документам охранных отделений, целый ряд большевиков состоял до революции их агентами; такой документ о Луначарском[16], например, был оглашен эсерами на процессе[17]; коммунисты постановили: **признать, что он это делал по поручению партии**.

Не продажными среди большевиков можно было бы считать только Бухарина, Покровского[18] и, в известном смысле, Ленина. Все циничны. Некоторые притом добродушны.

Все коммунисты спаяны друг с другом не столько жадностью и властолюбием (тут они конкуренты), сколько пролитой кровью, страхом расплаты и чувством обреченности. Многие из

них дорого бы дали, чтобы унести ноги на собственную виллу «в Бразилию». Некоторые за одно прощение пойдут по стопам Фуше[19] (от революционного террора к полицейской службе у Наполеона и Людовика XVIII[20]).

Заместитель Ленина Каменев (не военный) очень «правый» коммунист, лавирует, мечтает усидеть при «демократическом» режиме и вывести революцию на «средний исторический путь» (его собственные слова); он был бы способен на блок с Милюковым и промышленными республиканцами[21].

Очень трудно делать переворот *против* всех коммунистов; опаснее делать его с одной частью их (это искусные провокаторы). Сейчас у них раскол: правые (Троцкий, Каменев) хотят отступать и уступками добиться признания Европы; левые (Богданов[22], Бухарин) хотят катастрофического взрывания Германии. В ближайшем будущем Европа собирается делать ставку на первых, застращивая и покупая их, может быть, слегка кредитуя.

9. Нельзя сомневаться в их связи с германцами. Дело не только в начальном «золоте». Достаточно сказать, что передатчик этого «золота» Ганецкий-Фюрстенберг[23] все время замещает Чичерина[24] (товарищ министра иностранных дел). Один немецкий дипломат в России открыто говорил правым, что большевики «продажны». Из секретной переписки известно, что *немцы* настояли в Москве на отказе англичанину Уркварду в концессии на Урале. Бывший немецкий канцлер Вирт[25] в июне этого года получил от Советской власти огромную лесную концессию на *ближнем* севере Европейской России (в полосе, *не* подлежащей концессированию; благодарность за договор в Рапалло?). В Берлине Министерство иностранных дел имеет любопытное влияние на советскую миссию. Душой всего является барон Мальцан[26], очень видная фигура в Мин<истерстве> иност<ранных> дел; при всех социалистических министерствах он сохранял свой пост и все повышался; он очень правый, от него следует искать путей к Людендорфу. Людендорф, подготовляя из Баварии почти открыто переворот в Германии, получает деньги из Америки (много давал Форд[27]).

Политику Германии, по-видимому, следует понимать так: Россия есть их предусмотренная добыча, из которой будет покрыта вся война и вся контрибуция; большевики будут сидеть, медленно рассасываясь под их, германцев, руководством. Всякому перевороту, не постановленному в Германии, немцы изо всех сил будут мешать; у них в Москве хорошая агентура и большая осведомленность во всех кругах.

10. По-видимому, во Франции постепенно начинают понимать, что кроме «Рурского фронта» есть еще и «Московский». В связи с этим стоит то, что в масонских организациях, и особенно во французских, вот уже год, как обнаруживается тяга к *консолидации русской революции*; по-видимому, там нашли, что «довольно», что пора кончать. Тому имеются доказательства.

Они понимают, что есть два пути: *убить* и *купить*. По-видимому, интервенции в Европе опасаются слишком многие: утомлены, разорены, всякому только до себя дело, мелкие государства боятся, что выход из европейского равновесия будет им опасен; крупные — не заинтересованы в восстановлении России, многие прямо заинтересованы в ее прострации, и все опасаются, что восстановленная Россия будет не их ориентации.

Вероятно, поэтому, что предпочтут *купить*: или открыто — ценою признания, или скрыто — *инсценировкой* внутреннего переворота. Хуже всего была бы *частная* покупка вроде той, о которой, по-видимому, думает французский миллиардер (из нуворишей) Швос. Возможно, что попытаются открытый способ сочетать со скрытым.

Во всяком случае, следует ожидать, что с окончанием Рурского сопротивления в течение ближайшего года борьба Франции и Германии поведется и на новом, «Московском», фронте. Невероятно, чтобы Германия легко уступила на этом фронте.

В этой связи вряд ли вероятно, что силы Русской армии будут вовлечены в какой бы то ни было форме в интервенцию.

11. Тем более, что в Америке царит большой упадок интереса к России. «Ара» [28], кормившая голодающих в России и ликвидировавшаяся этой весною, — была *экономической разведкой* Гувера [29]. Они всюду ездили, все исчисляли, все записывали и заносили на карту и, уехав, собираются спокойно выжидать подходящего момента для верного помещения денег. Активная воля, и притом резко тяготеющая направо, по-видимому, есть только у Форда. Передают, между прочим, будто на него потрясающее впечатление произвели так называемые «Протоколы сионских мудрецов» [30]. Есть сведения, что Форд усиленно готовится к президентским выборам 1924 г. В швейцарских газетах открыто писали, что в связи с этим сократилась его субсидия Людендорфу.

12. Кажется несомненным, что в национальных интересах России — не иностранный переворот, а собственный, русский. Ему мешает главным образом страх перед расстрелом слева, *чувство вины, страх перед расправой справа, страх перед бе-*

лыми; и, конечно, переутомление воли, выпущенность паров, развратная атмосфера послереволюционной жизни, развинченная психика у всех, переживших революцию на месте. Из всех факторов бороться можно только со *страхом перед белыми*; это тем легче, что побороть этот страх надо сначала не в массе, а в ядре, совершающем переворот, которое не может и не должно быть очень многочисленным и которое мечтает о перестраховке.

13. Невозможно надеяться на то, что какие-нибудь штатские эмигрантские организации сделают эту подготовку.

Эмиграция производит в общем тягостное впечатление. Здесь не изжиты все недуги старой общественности: это беспочвенное и безыдейное важничание, это осторожное, нерискующее честолюбие, это сочетание выжидающей пассивности с максимальными претензиями, политиканствующая ложь, интрига, клевета; без Бога, без вдохновения и без хребта — эта толпа *боится* того, кто ее не боится, и ненавидит его, с тем чтобы ему покориться и чтобы после изъявления покорности — интриговать против него. После революции, погубившей русский национальный центр (престол), все это — от бывшего министра до бывшего студента — болеет худшим видом бонапартизма: бессознательным честолюбием *непризванных* политиканов — хочет фигурировать, председательствовать, говорить «от лица», принимать «резолюции», играть роль, ловя пылинки власти и создавая в этой ловле суетливую толчею на месте. Эта болезнь была отчасти задавлена и отчасти субординирована большевиками в России, вследствие отсутствия свобод; она до сих пор неизбежна в эмиграции. **От нее свободен только дух Белой армии.**

Правые круги эмиграции могут исцелиться от этой болезни скорей, если воля диктатора или Государя будет достаточно сильна для того, чтобы поглотить их жаждущую субординации волю и в то же время отсечь их интриганство. Левые круги эмиграции (начиная от промышленника-республиканца и кончая матерыми эсерами) не имеют шансов исцелиться от нее. Чем более он скомпрометирован в революции, тем невозможнее ему успокоиться в любви к родине и Царю; *ему* есть только пути *налево*, и поэтому он будет всю жизнь доказывать, что для родины спасительны только левые пути.

14. К активной деятельности в России левые способны более правых: у них есть конспиративные навыки, связи, вкус к подполью. Однако и они не идут дальше отдельных выходок (вроде посылки Керенским своего представителя в восставший Крон-

штадт) или интриг и авантюр (вроде деятельности в Болгарии). Левые (подобно чехословацкому или польскому правительству), в сущности, *боятся* переворота и резкого кризиса, мечтая о постепенности лизиса[31]. Они *единокровны* с большевиками, но коммунисты честно и грубо сделали все те гадости, о которых другие левые только мечтали и болтали, не смея. Именно поэтому они переворота не готовят и не сделают, как не посмеют убить никого из советских главарей. От Милюкова и Гессена — это соучастники единого дела; и когда Милюков говорит, что «будущее в России принадлежит только тем, кто скомпрометировал себя в революции», то он открыто выговаривает свое соучастничество.

К активной деятельности в России правые способны еще менее. Связи у них с Россией крайне слабы и случайны. Людей с крепкой и бесстрашной волею среди монархистов очень мало; людей с конспиративным умением нет вовсе, хотя «отчаянные головы» среди молодежи имеются. Монархисты марковского толка готовятся грубо и демагогично возглавить в России назревающую стихию отчаяния, злобы и антисемитизма. Планомерно работать не умеют и не собираются, денег не имеют. К риску способна только группа «Белого Креста»[32], стоящая правее Высшего Монархического Совета и имеющая в лице «молодого» Павлова (бывший моряк, даровит, но неумен, легкомысленен, очень самоуверен и развинчен) влияние на Маркова, потягивающее его вправо.

Атмосфера Высшего Монархического Совета есть атмосфера Маркова. Он силен волею и темпераментом, грубо умен и грубо хитер, интрига его топорна; очень властолюбив и малообразован; одержим антисемитизмом и масонобоязнью; в экономике не понимает ничего и творческих идей не имеет; духовная культура за пределами православия для него почти не существует; это не вождь и не строитель, а трибун и демагог с черным блеском в зрачке. Если возникнет русский фашизм, то не от него[33]. Его правая рука — Тальберг — такой же во всем, но только в полроста, правее и более энергичен искусною интригою.

15. Из опасных и вредных единичных властолюбцев заслуживают внимания только Милюков, Савинков и Красин[34].

Милюков — не герой, а человек толпы. Его воля — упрямство, его ум — хитрящая середина, его идея — расчет, его принцип — компромисс. Он глубоко безрелигиозен и безыдеен; идею он всегда презирал. Его политика всегда состояла в том, чтобы сложить параллелограмм сил в направлении к *своей лич-*

ной власти и оказаться во главе равнодействующей этого «блока». Он *не* ненавидит Россию, но за ним стоит более умный и ненавидящий Россию крепко — М. М. Винавер[35]. Милюков тянет к республике с ним самим во главе; пойдет во *всякую* республиканскую комбинацию, быстро согласится работать вместе с победившим диктатором и немедленно поведет против него тайную интригу. Оба, наверное, масоны.

Савинков — авантюрист по крови, конспиратор по призванию, властолюбец по страсти, ассасин[36] по специальности. Он храбр, аморален и садистичен. Договаривающийся с ним должен искать убийц за *своей* спиной и готовить убийц для него. По-видимому, переворота не готовит, выжидая выгодной конъюнктуры, но свою организацию кое-как поддерживает.

Красин, о диктатуре которого охотно мечтают сменовеховцы и запачкавшиеся в большевизме, сам характеризует себя как авантюрист<а>. Старый большевик еще с 1903 г., он *очень* расчетлив и вполне беспринципен. Во время войны, состоя одним из директоров у Сименса[37], отстаивал в России интересы немцев; к большевикам примкнул не сразу; очень разбогател; наверное, связан с масонскими организациями левого толка, но имеет нити и в правые ложи. Вряд ли способен сам произвести переворот, но в масонские комбинации и в промышленную интервенцию войдет наверное.

16. Полезны перевороту могли бы быть евреи, если б сумели обеспечить себе гарантию от предстоящей расправы. Нащупывая почву для этого, они выдвинули прошлой зимой «покаянную группу патриотов» (Пасманик, Бикерман, Ландау, Мандель[38]), ловко провоцировавшую правых на публичные выступления; эта группа, «защищающая» Белую армию, пользуется известным, хотя совершенно необоснованным доверием у некоторых почтенных общественных деятелей (например, у П. Б. Струве) и в лице Бикермана вела даже переговоры с Высшим Монархическим Советом **(для контрразведки)**[39].

Пока этой гарантии нет, евреи будут всемерно враждебны перевороту и денег не дадут. Их кошельки и сейчас немедленно закрываются, как только среди нуждающихся нет достаточного процента евреев. В России антисемитизм разлит действительно в воздухе, и возможно, что советская власть вынуждена будет с этим считаться.

17. Особое место занимают сейчас русские масонские ложи. Сложившись заново после революции и получив признание заграничного масонства, русские ложи работают *против большевиков и против династии*.

Основная задача: ликвидировать революцию и посадить диктатуру, создав для нее свой, масонский, антураж. Они пойдут и на монархию, особенно если монарх будет окружен ими или сам станет членом их организации. Переворота изнутри сами не готовят, но могут быть полезны и вредны. Они по-прежнему говорят об «идеях» и по-прежнему их главная задача — конспиративная организация своей элиты, своего тайно главенствующего масонского «дворянства», которое *не* связано ни с религией, ни с политической догмой, ни <с> политической формой правления («все хорошо, если руководится нашей элитою»).

18. Таким образом, активного центра, организующего переворот в России, за границей, по-видимому, нет. Возникновение его среди русских маловероятно. Он может возникнуть или в Германии, если к власти **пройдет Людендорф**, или во Франции, **если в министерстве Пуанкаре**[40] **возобладают люди, понимающие опасность германо-московского фронта**. Такая ситуация может сложиться, по-видимому, еще в течение этой зимы.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
29 ноября 1923 г.

№ к/2697 Сремски Карловцы,
29 ноября 1923 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович.

Прочитал присланную мне через А. А. Лампе записку с большим интересом. Это глубокий и блестящий анализ современного положения. Большинство высказанных Вами мыслей я вполне разделяю. С особым интересом остановился на Ваших оценках отдельных деятелей, особенно советских. Я был бы вообще очень благодарен если бы Вы со мной и впредь делились Вашим осведомлением и взглядами. Это принесло бы пользу для дела. Мне очень дорого то, что Вы, пробыв столько времени в советской России отрезанным от нашего движения, сохранили крепкую с ним духовную связь и понимание его значения. Вы, впрочем, всегда значились в числе верных друзей Армии.

Мне было радостно узнать из газет о Вашей речи на собрании, устроенном в годовщину Армии, смысл которой Вы так хорошо очертили в докладе[41]. Многозначительность сказанного Вами выступает даже в газетном отчете.

Отвечаю я так поздно не по своей вине: Вашу записку я получил только на днях.

Примите сердечную признательность и дружеские приветствия искренно уважающего Вас и преданного.

П. Врангель

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
<ноябрь—декабрь 1923 г.>

Глубокоуважаемый Петр Николаевич! Я получил Галлиполийскую книгу[42] и благодарю Вас за надпись на ней. Галлиполийцы и их Вожди будут мне всегда дороги как живой символ моей чудесной родины, символ, в котором правота и честь стали мечом и силою...

Да хранит Вас Господь!

И. Ильин.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
24 июля 1924 г.

№ к/3325 Сремски Карловцы,
24 июля 1924 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович!

Год тому назад я послал Вам книгу «Русские в Галлиполи», теперь прошу принять ее дополнение: новый труд — «Казаки на Чаталдже и на Лемносе», книгу, изданную Донской исторической комиссией совместно со штабом Донского корпуса.

Вам как другу и спутнику Армии, оказавшему ей на чужбине ценную нравственную поддержку, я посылаю этот труд.

В нем найдете бесхитростный правдивый рассказ о всем пережитом и перечувствованном нашими доблестными защитниками родины на чужой земле, одинокими, оставленными многими недавними друзьями, гонимыми недругами.

Примите эту книгу как искреннюю благодарность мою и моих соратников за ваше сочувствие и помощь нам в нашем правом деле.

Прошу принять уверение в глубоком уважении и искренней преданности.

П. Врангель

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
4 октября 1924 г.

Сан-Ремо. 1924.X.4

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Спасибо Вам на добром слове. Моя духовная связь с белой Армией есть связь давняя, изначальная. Еще в апреле 1917 г. я высказывал убеждение, что спасти Россию может только наступление, военное патриотическое наступление на революцию, и с тех пор я ношу этот белый меч в сердце, в слове и в деянии.

В настоящее время я заканчиваю новую, сравнительно небольшую работу (листов 8 печатных) «О сопротивлении злу». Она посвящена искоренению всякого «непротивленчества» и обоснованию праведного меча, подъемлемого на злодея. Это не политический памфлет, а философический трактат, написанный в предуказанном мною самим духе («на этих решениях и подвигах мы построим новую русскую этику»); но по замыслу и выполнению он будет доступен всем. Я думаю, что мне удастся выпустить ее еще в течение ближайших месяцев. Хотел бы выпустить ее с посвящением: «Русской белой Армии и ее вождям». Считаю правильным испросить предварительно Ваше *согласие* на это.

Еще кое-что о последних событиях, волнующих нашу эмиграцию. Появившийся манифест Вел<икого> Кн<язя> Кирилла не был для меня полной неожиданностью[43]. Еще в мае я узнал, что группа лиц французско-швейцарского масонства, установив, что за Вел<иким> Кн<язем> Кириллом числится большая лесная латифундия в Польше, еще не конфискованная поляками, но подлежащая в сентябре 1924 г. конфискации, работает очень энергично и спешно над приобретением ее у Вел<икого> Кн<язя> (он и не знал о ней!), причем приобретающий концерн рассчитывает, что Вел<икому> Кн<язю> должно очиститься от этой продажи около 150 мил<лионов> франков золотом. Сведение было абсолютно точное; реализация была очень вероятна. В связи с этим можно было ожидать большей активности. Расчеты у масонов могут быть двоякие: или повредить русскому монархизму верным провалом нового начинания, или повредить русскому монархизму возведением на престол слабого, неумного и, главное, каптированного масонами и окруженного ими лица. Должен сказать от себя, что менее популярного в России претендента на престол нельзя было бы и выдумать и что внутренние шансы Вел<икого> Кн<язя> мне представля-

ются крайне малыми. Не говоря уже о больной России, которая республиканствует по трем основаниям: 1) из вкуса к самоуправству, 2) из желания укрепить награбленное, 3) из чувства вины и страха; но и монархическая Россия на местах не знает Вел<икого> Кн<язя>, не тянется к нему и, главное, *совсем и не думает о нем*. Принципы строгого легитимизма (если допустить, что они *в пользу* Вел<икого> Кн<язя>) имеют природу юридическую, а не психологическую; они решают вопрос формального права, а не вопрос любви, силы, победы и прочности. К сожалению, вокруг Вел<икого> Кн<язя> стоят люди или находящиеся под фактическим влиянием масонства (мне известны подробности от недостаточно конспиративных масонов), или же рассуждающих так: «Вопрос трона есть вопрос денег и хлеба» (эту фразу я лично слышал). Может быть, Наполеон был более прав, когда говорил: «L'opinion publique est une puissance invisible, mysterieuse, a laquelle rien ne resiste; rien n'est plus mobile, plus vague et plus fort; et toute capricieuse qu'elle est, elle est cependant vraie, raisonnable, juste, beacoup plus souvent qu'on ne pense» [44]. И добавлял пояснение: «C'etait ains qu a la restauration, en s'y prenart mal, on etait venu a bout de rendre les regicides populaires, eux que la masse de la nation proscrivait un instant aunparavant» [45]. Существенно, как отзовется на этот манифест Совет династии.

Другой вопрос — Савинков. Еще этой зимою я отговаривал добрых знакомых, чтобы не вязались с ним. Корнилов был предан не токмо дураком и полуподлецом Керенским, а и не дураком и совершенным подлецом Савинковым [46]. И должен признаться, что я с самого начала нисколько не верил в противобольшевистскую активность этого большевистского кузена. После известий о его новом шаге я запросил о нем его доброго знакомого Федора Августовича Степуна. Степун — обрусевший немец; а потом и поднемеченный русак; большую войну был на фронте, слегка эсерствовал и пораженчествовал; в 1917 г. был помощником Савинкова по политическому комиссарству при армии; в 1922 г. выслан большевиками из России за то, что публично на театральном диспуте заявил, что они «дьяволы». Он публицист, полуфилософ, работает и сейчас с эсерами. Вот что он мне ответил: «...в конце концов Савинкова от большевиков, за исключением его физиологического антисемитизма, ничего не отделяет. Демократом он никогда не был и с демократами психологически никогда ничего общего не имел. Демагог, поклонник диктатуры и человек, всю жизнь веривший только

в маску и силу, он, в конце концов перейдя на сторону большевиков, остался верен только самому себе. Меня без конца возмущает почти все, что сейчас пишут о нем демократические и социалистические газеты. Все хором утверждают, что он стал предателем и оказался подлецом; все, тайно или явно, дают понять, что он, в сущности, *всегда* был тем, чем оказался, и никто не ставит себе вопроса, кем же были те, кто им всегда пользовался, и что скверного в том, что им в конце концов воспользовались и большевики. Конечно, он до некоторой степени авантюрист, но главное все же не в этом; главное в том, что он, по крайней мере, на четыреста лет запоздал рождением и что он психологически и стилистически ни в какой мере и степени не русский человек. Он итальянец эпохи Возрождения: человек в плаще, с кинжалом за спиной и с латинской цитатой на устах. Он никогда не интересовался политикой, никогда ничего не понимал в структуре современной жизни и всегда очень слабо разбирался в людях, чему доказательство — комиссарверх Филоненко[47]. Накануне большевистского переворота он упорно утверждал, и я ничего не мог с ним сделать, что слева ничего нет, кроме галлюцинаций Керенского, что вся опасность — справа (это несмотря на фантастически быстрый провал Корниловского движения). А почему? Только потому, что он не мог себе представить, что в мире может быть нечто, чего нет в его душе, чего он не любит, чего ему не хочется уничтожить, убить (любить и уничтожить было в его душе всегда одним и тем же чувством, мы с ним об этом как-то очень подробно говорили). Может быть, из всей его борьбы против большевиков (имею здесь в виду борьбу террористическую) ничего не вышло потому, что они не были для него соблазнительны и пленительны, как жертвы. Я глубоко уверен, что к своим жертвам эпохи царского режима он относился положительно-таки со страстью, с любовным пристрастием. Что он будет сейчас делать у большевиков, я не вижу. Его речь, конечно, сплошная ложь. Крестьянами и рабочими он никогда не интересовался. Если бы он даже искренно думал, что весь простой русский народ действительно признает большевиков, это ни на секунду не могло бы быть для него причиной признания советской власти. Я провел с ним в ежедневном общении первые шесть-семь месяцев революции — и абсолютно убежден, что простой русский народ был для него, как участник революции, так же противен и неприемлем, как дворник в нарядной спальне его любовницы. Если он пошел к большевикам не только от тоски своей бесславной заброшеннос-

ти и не только ради новых переживаний укротителя, входящего в клетку со львами (что большевики его помиловали — ничего не значит; они могут его завтра же расстрелять, и напрасно эмигрантские психологи представляют себе его жизнь в России очень уютной), а с некоторой определенной мыслью, то, конечно, с расчетом на роль Наполеона, которому должна достаться победа во внутрипартийной большевистской борьбе. Что из этого ничего не выйдет, я абсолютно убежден. Мне кажется, что я хорошо знаю и верно чувствую Савинкова. Он — человек большой, но насмерть раненный беспредметной фантастикой и стилистической пошлинкой. Любит черный фрак и гайдуков перед дверью своего таинственного кабинета. Я сейчас очень занят выяснением себе дела Корнилова. Я боюсь, что Савинков сыграл в нем роковую роль...» etc.

Из этого письма видится и Савинков, и Степун. Комментарии излишни. Философов[48], друживший с Савинковым, всегда был человеком неумным, сентиментальным, но честным. Он Савинкова искренно идеализировал. Ему, да и *всем*, о ком Савинков что-либо знал, необходимо *погасить все* дела, известные Савинкову, и начать *все* сначала: *предаст*; и если не сразу, то по мере собственной надобности, доказывая свою лояльность большевикам. Для этого он, конечно, выдал не все зараз. — Письмо Степуна сообщаю конфиденциально.

На этом кончаю. Желаю Вам здоровья и верю, что Господь Вас хранит.

Нездоровье помешало мне в июне быть у Вас в Карловцах лично. Я страдаю катаром легкого, от времени до времени обостряющимся и делающим меня полуинвалидом. Я очень жалел об этом по многим основаниям. Многого же и не напишешь.

Искренно преданный И. Ильин.

Адрес: Italia. Liguria. San Remo. Villa Zirio.

Савинков понимает в конспирации и сыске. Он *наверное* будет там работать по *политическому сыску*, с тем чтобы губить противобольшевистские и в то же время *ему лично* неудобные, непокорные организации и начинания. Он знает технику дореволюционной охранки и провокации. Бороться с ним будет *крайне* трудно. Доверяться ему *крайне* неразумно. Если бы его настигла там кара французской контрразведки, которая перед ним в долгу, то это было бы лучшим исходом.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
12 октября 1924 г.

№ к/3428 Сремски Карловцы,
12 октября 1924 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Я получил Ваше письмо от 4 октября и спешу Вас уведомить, что не вижу препятствий, а, напротив, буду рад, если Вы Вашу новую работу выпустите с предложенным посвящением. Все, что Вы сообщаете, чрезвычайно интересно, и я очень жалею, что так редко имею от Вас непосредственные сведения. Время не упрощает, а все усложняет положение Армии. Всякое событие, всякий чужой опрометчивый шаг, в пределах ли международной политики, в балканских ли недоразумениях или в наших русских делах, обращаются роковым образом в угрозу для целости нашей организации. Только заложенные в нее начала жизни, необходимые России, дают ей возможность оберегать себя от развала и без особых тревог ожидать дальнейших затруднений, которые нам готовит неизменно будущее.

С большим интересом прочел Ваше письмо. Приведенная в нем характеристика Савинкова очень тонкая. Может быть, в ней ключ к разгадке поступков этого человека. В последние годы лица, подчиненные командованию, насколько известно, мало-мальски серьезных деловых отношений к нему не имели, а раньше в редких случаях соприкосновения с ним проявляли осторожность. В кругах Армии он вообще не пользовался доверием. Он, вероятно, это чувствовал.

Крепко жму Вашу руку и от души желаю набраться сил и здоровья.

П. Врангель

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
31 декабря 1924 г.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Только теперь дошло до меня Ваше письмо от 24 июля сего года, сопровождавшее книгу «Казаки на Чаталдже и на Лемносе», а самая книга и доселе еще лежит в Берлине, и я еще не видел ее. Но в данный момент для меня дело не в сроке, а в потребности выразить Вам мою горячую благодарность за память и за присылку мне этой новой героической и мученической

страницы русской национальной истории. Я живу на свете с религиозным убеждением, что настоящая правда, не кривая полуправда, победит. А сроки Господь всегда утаивает...

Грустно мне было, что Ваш приезд в Берлин[49] совпал с моим вынужденным отсутствием! Уж эти мне расстояния... Надеюсь кое-что высказать письменно в непродолжительном времени. Я часто думал о Вас, когда писал мою статью для Галлиполийского сборника[50].

С Новым Годом! О, если бы это был последний на чужбине!

Искренно преданный Вам И. Ильин.

1924.XII.31. Меран.

В адресе, который прислан мне Николаем Михайловичем[51], не обозначен *город*. Это затрудняет. Может быть, он пришлет мне название города в дополнение.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
8 января 1925 года

№ к/3597 Сремски Карловцы,
8 января 1925 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Получил Ваше письмо от 31 декабря. Сердечно благодарю за поздравление, память и внимание. Со своей стороны, поздравляю Вас с праздником Рождества и наступающим Новым Годом и шлю Вам свои наилучшие пожелания. Дай Бог, чтобы этот год был бы действительно последней каплей в переполненной чаше страданий русских людей.

Очень сожалею, что нам не удалось повидаться в Берлине. Посещение Берлина и общение с тамошними общественно-политическими кругами дали мне большое нравственное удовлетворение.

Крепко жму Вашу руку.

П. Врангель

И. А. ИЛЬИН
СВОДКА «О ПОЛОЖЕНИИ» (май 1925 г.)

1. Положение национальной и честной эмиграции в Германии и, в частности, в Берлине представляется в настоящее время весьма трудным в политическом отношении. Эта трудность обусловливается, с одной стороны, ее политически-беспочвен-

ным и международно-щекотливым положением; с другой стороны, острым сознанием того, насколько важно овладевание местным политическим плацдармом, энергично оспариваемым со стороны беспринципных кругов Кобургского претендента[52].

2. Руководящие круги национальной эмиграции в Германии отнюдь не причисляют себя к так называемой «германской ориентации». Они вполне свободны от всяких идиллических и сентиментальных подходов к делу, не считают, что «все спасение в Германии», и хорошо понимают и оценивают все национально-эгоистическое поведение Германии. И тем не менее они отдают себе отчет в том наличном параллелизме и даже значительном совпадении государственных интересов национальной России и национальной Германии, — совпадении, которое заставляет их предусматривать и подготовлять другие возможности.

3. В отличие от своих нечестных конкурентов, национальные честные круги ведут беседу с германскими кругами в тоне независимом, патриотически-достойном и выдержанном. Ни о каких «обещаниях» или «обязательствах» нет и речи. Обсуждается возможный и наличный состав державных интересов и вытекающие из этого перспективы. Это имеет свои преимущества (бóльшая серьезность, большее уважение), но и свои слабые стороны (бóльшая отвлеченность, теоретичность, академичность).

4. Политическая беспочвенность национальных кругов состоит в их государственной неуполномоченности и отсутствии единой, сплоченной организации.

Все беседы остаются беседами частных лиц. Если это дипломатия, — то дипломатия дилетантская, ведомая неумело и кустарно. Если это политика, — то политика любительская, не защищающаяся никаким волеизъявлением. Второстепенные лица беседуют со второстепенными лицами, причем обычно обе стороны сами являются и сознают себя как людей будущего.

5. Обстоятельство, что во всех этих беседах не участвует никто из лиц, имеющих сколько-нибудь закрепленное полномочие говорить от лица В<еликого> К<нязя>[53] (если таковые лица вообще существуют), придает этим разговорам вполне частный характер. Понятно, что приватный характер бесед не содействует их продуктивности.

6. Международно-щекотливое положение русской национальной эмиграции в этих беседах определяется целым рядом факторов и соображений:

а) необходимостью учитывать *абсолютную* противоположность интересов России и III Интернационала и *относитель-*

ную совместимость III Интернационала и западноевропейских держав;

б) крайней обостренностью отношений и взаимной подозрительностью, царящей между центральными державами и державами согласия[54];

в) болезненным и беспочвенным разбродом, господствующим в русской политически невоспитанной эмиграции.

7. В частности, по пункту «*а*».

Доселе имеются в Германии круги, пытающиеся торговать или концессинировать в советской России; они уверяют (Шлезингер[55]), что эволюция большевиков в ходу, что заводы восстанавливаются, что вывоз и ввоз возможны и что в международной революции большевики неповинны (взрыв в Болгарии; ставка на Троцкого). Доселе имеются в Германии круги, готовые показывать советскую Россию Польше и Франции в виде устрашающего китайского дракона, посылать III Интернационалу военных и морских инструкторов и симулировать культурное сближение (чествование Каменева в Osteuropa[56]).

8. По пункту «*б*».

История обыска и клеветнических фельетонов в газетах достаточно показывает, какая подозрительность царит в отношении ко всему и ко всем в Германии (напр<имер>, о «жалованье, идущем из Франции»)[57]. К этому необходимо добавить необычайную неудобоподвижность, тяжеловесность, инертность немецкой психологии, в общем после войны стихийно тянущейся к сближению с Россией, но все еще плохо разбирающейся в возможных и желательных формах этого сближения: ни с кем сближаться в России, ни *для чего*, ни *как* — они себе не представляют. Иногда говорят о колонизации, иногда — о массовом вливании немецкой интеллигенции, иногда — о вывозе сырья и ввозе фабрикатов, изредка — о возможном совместном реванше.

Это «дружелюбие» к неизвестной и неопределенной России вполне совмещается и уживается с подозрительностью к русским эмигрантам; а эта подозрительность уживается и совмещается с беспомощно-подслеповатым желанием беседовать с эмигрантами о будущем.

9. По пункту «*в*».

Разброд и разложение среди русской эмиграции и ее политическая невоспитанность особенно вредны в этом деле. Политическая страстность ее довершает собою всю картину; можно подумать, что люди боятся куда-то не попасть, что-то упустить, остаться за флагом; появляются люди, которые хотят иметь заручку везде и всему потакают, и другие, которые во что бы то

ни стало хотят фигурировать, вести, учить, первенствовать, председательствовать.

К политической работе, к осторожности, к конспирации, дипломатии почти все совершенно неспособны. Все друг через друга связаны и все болтают: все про других, а многие — и все про самих себя (вплоть для уголовных деяний и замыслов).

Группы: кирил<л>истов, В<ысшего> м<онархического> с<овета>, еврейская и масонская ведут непрерывную интриганскую работу; первые не чуждаются криминалов и подделок, вторые — ложных нашептов и разжигания страстей инсинуациями, третьи — действуют захватом организаций и печати, четвертые, наиболее слабые, — преуспевают только в неискренности говоримого.

Зловредным является прежнее военное деление на международные ориентации: глупые и карьеристически настроенные люди доселе пылают «франкофильством» и «германофильством», взаимно считая себя врагами, шепчась друг про друга между собою и с туземными друзьями и донося друг на друга из города в город.

К этому присоединяется наличность порочных организаций окончательно павших людей, где кириллисты, большевики, туземная разведка и полная продажность образуют отвратительную амальгаму, чреватую всевозможными непредвидимыми преступлениями.

10. Особого внимания заслуживает деятельность кириллистов.

Эти люди состоят из трех категорий.

I. Восторженные юноши и женщины, страдающие недержанием монархического чувства и политическим слабоумием.

II. Честные, но тупые люди, рабы прямолинейности и формального аргумента, политически близорукие служаки.

III. Порочные, хитрые интриганы, делающие на сем карьеру и не останавливающиеся ни перед какими средствами.

Первые две группы являются «стадом», третья группа состоит из «пастырей».

Эти «пастыри» суть люди, бывшие беспринципными реакционерами еще до революции; это люди — классового интереса, крайней озлобленности и мнимого, черносотенно-крикливого патриотизма. Они предают в сплетнях и брошюрах (Снесарев) своего претендента, поносят русский народ, жаждут кому-то отомстить и все «вернуть». Их лозунги: идти хоть с чертом и не останавливаться ни перед какими средствами. Дух революции окончательно разложил их слабое правосознание: чувство чести

и порядочности им совсем несвойственно, криминал их не останавливает, бесстыдная ложь и клевета — их обычное оружие. Они враждебны *всем* русским, кто не с ними и не берет у них заручки; они разговаривают с немцами, как их лакеи, рабы или шпионы. Их план для России: договориться с Г. П. У., произвести из него переворот, амнистировать коммунистов, перекрасить их в опричников и вырезать всех несогласных.

11. При таком положении дел работа в Германии для национальных кругов является весьма затруднительной: с одной стороны, — массовое глухое недоверие к В<еликому> К<нязю>, заставляющее дружелюбно относящихся германцев «не советовать» открыто упоминать и подчеркивать его имя (и обратно: доверие к Кобургской ветви). С другой стороны — местопребывание В<еликого> К<нязя>, из которого для здешнего ума следуют совершенно «непререкаемые выводы». С третьей стороны, — неопределенное и загадочное молчание В<еликого> К<нязя>, которое было бы *силой* при отсутствии Кобургской партии и которое при ее наличности учитывается отрицательно.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
8 августа 1925 г.

№ к/1318 Сремски Карловцы,
8 августа 1925 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович.

Глубоко благодарю Вас за присланную Вашу книгу «О сопротивлении злу силой».

Книга эта произвела на меня сильное впечатление не только теми мыслями, которые Вы выразили в ней и которые нам, участникам борьбы с величайшим в мире злом, так близки и понятны, но и своей исключительной своевременностью.

Многие, духовно утомленные тяжкими годами изгнания, теряют веру в нравственную необходимость борьбы и соблазняются мыслью о греховности «насилия», которое они начинают усматривать в активном противодействии злу.

Ваша книга откроет им глаза.

Нам же, взявшим на себя всю тяжесть ответственности за поднятый меч во имя высшей Правды, книга Ваша даст новые силы для тяжелого подвига.

Шлю Вам сердечный привет и крепко жму руку.

П. Врангель

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
15 октября 1925 г.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич! Вероятно, Вам попалась в «Возрождении» моя статья «Нечестные споры»[58], направленная против лживой и клеветнической полемики левой печати. Среди откликов на эту статью, появившихся там и сям, я не мог не обратить внимание на передовицу «Дней», которую при сем прилагаю[59]. Вероятно, ее писал сам Керенский.

Здесь, насколько я знаю, он впервые дает утверждение о русской государственной казне, о том, что он ее не крал и что чехословацкие легионеры тоже ее не раскрадывали. Правду он говорит или нет, мне неизвестно. И для меня акцент лежит на другом. Здесь он ссылается на протокол № 8 Совета объединенных офицерских обществ в С. Х. С.[60] и приводит из него выдержку, в коей его, Керенского, обвиняют в похищении русских государственных денег. Об этой выдержке мне хотелось бы сказать два слова.

Если эта выдержка верна и приведена неискаженно (я склонен считаться и с обратной возможностью!) и в действительности такой документ был передан правительству С. Х. С., то я опасаюсь, что у авторов этого документа не было доказательств в пользу высказываемого обвинения. Одних подозрений и слухов тут недостаточно. Я не хочу сказать, что считаю Керенского рыцарем честности; но думаю, что нельзя рассуждать так: «Кто мог бросить армию, будучи в звании Главковерха, тот мог и украсть, а если *мог* украсть, так, значит, и украл...».

Если же у авторов этого документа действительно *нет* данных для обвинения Керенского в воровстве, то я считаю, что им не следовало выдвигать его. Ведь это действительно может оказаться *исторической неправдой*, и никакое духовно-моральное *правдоподобие* (презренность Керенского) не изменит тогда в этом ничего.

Если с нашей стороны будут выдвигаться такие недоказательные и (пока) недоказуемые обвинения, то мы будем давать этим повод для неприятных контрударов («сами клевещете», «сами имеете казенные деньги» etc.).

И ведь в самом деле — как обвинить без данных? И как требовать честности в спорах, если сами зарываемся? Я считаю Павла Милюкова типичным политическим прохвостом; но денег... казенных... он, может быть, и не крал!..

Все эти соображения мне хотелось бы изложить Вам в виде материала для каких-нибудь возможных директив «вполголо-

са». Поднимать же брошенную Керенским перчатку не буду. Я считаю правильным писать *мимо* людишек даже тогда, когда приходится этих людишек сечь. Ибо нужны *поступки* и *слова*, *равносильные поступкам*, а не перебранкам. И не раскапывание мелочей, и не шипение о личностях. Да и много чести им было бы — упоминать всерьез их фамилии перед большими вопросами; я и так восемь лет морщусь оттого, что русская история так неудачно и безвкусно уснастилась именами этих, истинно ничтожных пакостников.

Не посетуйте на меня за докуку, но мне казалось правильным изложить Вам все это.

Постоянно скорблю о невозможности увидеться с Вами лично и договориться обо многом.

Особенно существенным представляется мне в настоящее время вопрос об «ордене» [61], поднятый в печати В. Х. Даватцем; я доселе избегаю говорить о нем публично потому, что не знаю Вашего личного взгляда на него и считаю, что неосторожное появление какого бы то ни было разнобоя здесь было бы вредным и нежелательным. Очень прошу Вас, напишите мне о сем, хотя бы совсем кратко; двигать этот вопрос или загасить, и если двигать, в каких пределах и условиях.

Искренно преданный И. Ильин.

Адрес (до ноября):
Italia. Firenze. Via del Presto St. Martino, 7. Pensione Fiorenza. С ноября — в Берлине на А. А. фон Лампе.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
23 октября 1925 г.

№ 1984/с Сремски Карловцы,
23 октября 1925 г.

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Сердечное Вам спасибо за доброе письмо Ваше от 15 октября. Я лишь из него узнал о документе, упоминаемом в газете «Дни», вырезка которой приложена к Вашему письму. «Советы офицерских обществ» в тех странах, где рассредоточены части Армии, носят характер учреждений местных; их постановления и протоколы доходят до меня лишь post factum. По существу же вопроса совершенно согласен с Вами. Я о Керенском невысокого мнения, однако не располагаю данными считать его вором, а пользоваться в споре и борьбе «недоказательными и недоказуе-

мыми» обвинениями считаю нецелесообразным и обнаружением слабости обвинителя.

Что касается «ордена», о котором Вы пишете, то профессор Даватц, образно выражаясь, ломится в открытые двери. Рыцарский орден — это та самая Армия, к которой он принадлежит сам, те десятки тысяч русских офицеров и солдат, которые, копая шахты и дробя камень на мостовых, продолжают на чужбине творить то же дело, которое творили в дни борьбы на Родной земле, — отстаивать честь Родины, предпочитая унижение, невзгоды и нужду — позору склонить голову перед красным интернационалом. Я это неизменно твержу моим соратникам, и сознание, что их беспросветное существование не напрасно, что в самих их лишениях таится высокая цель, дает им силы продолжать борьбу.

Вот почему так дорого им всякое теплое слово участия, признание подвигов этих страдальцев долга. Среди тех, чье теплое слово особенно ценится, Вы один из первых, за что от имени моих соратников низкий Вам поклон.

Пока кончаю. Крепко жму Вашу руку.

П. Врангель

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
14 декабря 1925 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Петр Николаевич!

Пишу Вам под живым впечатлением прилагаемой вырезки из «Возрождения» [62].

То, что мы понимали и чувствовали тогда, сидя в Москве, — ныне открыто выболтали коммунисты. Я переношусь невольно к событиям 1920 г. и вижу, что с тех пор на всех европейских событиях лежат отсветы Крымской борьбы и что могучая фигура русского Главнокомандующего незримо и благодетельно присутствует у того стола, за которым решаются судьбы европейских государств. Я знаю, с каким прогнозом уезжали Вы из Константинополя в Крым и какое почти трагическое бремя Вы поднимали. Знаю также, что только меньшинство людей умеет ценить незримый героизм внутренних решений и утешается тем, что среди ученых-историков всегда находились люди из состава этого меньшинства. И только иногда, в минуту малодушия, скорблю о том, что Россия слишком часто и самоотверженно спасала западноевропейских Терситов [63].

Но все это, повторяю, мы понимали именно так уже пять лет назад. Храни же Вас, Господь!

Теперь деловое. Мне кажется, что было бы очень существенно, если бы к периоду Заруб<ежного> съезда[64] в Париже могли бы оказаться В. Х. <Даватц>, Н. Н. <Чебышев>, Н. Н. <Шебеко>, В. В. <Шульгин> и отсюда А. А. <фон Лампе> и я. П. Б. <Струве> будет там, и, может быть, *наши* совещания могли бы оказаться более действенными, чем «зарубежные пленумы». Вероятно, я буду выб<ран> от здешней колонии, и, вероятно, средства на поездку будут даны. Я пишу о том же и В. Х. <Даватцу>; А. А. <фон Лампе> разделяет мое мнение. Неужели же денежные обстоятельства могли бы помешать этому *давно* уже *необходимому* конвенту белых? Нам надо было бы обсудить все и еще многое. Совсем реальное.

В декабрьскую книжку «Гал<липолийского> вестн<ика>» послал статью[65]. Надеюсь, она попадется Вам на глаза.

Ваш, искренно Вам преданный

И. И<льин>.

Какая законченность, верность, политическая безошибочность и чистота стиля имеется в этом многолетнем, выдержанном сремском отшельничестве и молчании!

И как хотелось бы мне побывать у Вас!

Адрес мой имеется у В. Х. <Даватца>.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
21 декабря 1925 г.

№ 2015/с Сремски Карловцы,
21 декабря 1925 г.
Его Прев<осходитель>ству
И. А. Ильину

Глубокоуважаемый Иван Александрович,

Глубоко растроган Вашим письмом. На душе сейчас особенно тяжело, кругом безволие, соглашательство, личные дрязги, словоблудие. Ваши проникновенные, полные веры в святость нашего дела слова особенно дороги. Армия сейчас стала на ноги. Она приняла иные формы бытия применительно к новым условиям жизни, она собственным трудом обеспечивает свое существование. С совершенным убеждением я могу сказать, что полностью выполнил данное моим соратникам, при оставлении родной земли, обещание «не оставлять их, пока все они не станут на ноги». Но если я имею нравственное право с удовлетво-

рением смотреть на прошлое и быть спокойным за настоящее, то будущее не может не вызывать тревоги. Сохранится ли в повседневной будничной серой жизни беженства тот священный огонь, который зажегся на полях Кубани, горел в Крыму и не потух еще в изгнании?..

Вот почему я горячо приветствую Вашу мысль сплотить друзей Армии, тех, кто учитывает ее значение и понимает ее нравственную силу, на съезде, который должен явиться выразителем мысли и чаяний национально мыслящих русских зарубежных кругов. Хочу верить, что тот священный огонь, который сохранила Армия, передастся другим, пробудит действенность, зажжет веру.

В. Х. Даватц занят сейчас новым трудом, который выйдет под названием «Годы», он явится как бы продолжением «Русской армии на чужбине» [66]. Даватц просил разрешения пользоваться моими архивами. Большая осведомленность автора и близость его к самой жизни Армии должны сделать труд весьма интересным; он читал мне некоторые главы, они мне понравились.

Не теряю надежды в ближайшем будущем при поездке моей на Запад повидаться с Вами.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш П. Врангель.

P. S. Что касается Алексея Александровича, то он, как один из начальников отделов Русского общевоинского союза, участвовать на съезде не может [67].

И. А. Ильин — П. Н. Врангелю
<Октябрь 1927 г.>

Глубокоуважаемый и дорогой Петр Николаевич!

Благодарю Вас за письмо; я получил его здесь, в Ницце. Первая книжка «Русского колокола» вышла 22 сент<ября>, и я очень надеюсь, что она до Вас дошла. Очень дорожил бы Вашим, хотя бы кратким, отзывом, когда у Вас выберется минута времени. В книжке выстрадано, взвешено, отполировано каждое слово. За каждое напечатанное слово отвечаю я. И один Господь знает (да еще Наталия Николаевна), сколько в это вложено напряженного и ответственного труда. Я надеюсь, что Вы внутренне подкрепите и мою передовую о «Колоколе», и «Нашу госуд<арственную> задачу», и статью «Старого Политика» [68],

перо которого Вы, может быть, не сразу узнаете по (нарочно) несколько урезанным когтям.

Я веду *трудную* и *одинокую* борьбу за «Колокол». Магазины не хотят торговать им, требуя с нас ростовщических процентов (60 % скидки); мы не можем их дать, потому что мы должны были бы тогда *крепко поднять* цену и обременить этим налогом нашего белого читателя. Поэтому весь наш расчет на создание нашего белого аппарата. Пав<ел> Николаевич Шатилов>[69] уже дал нам связь в 14 местах Франции. Но четыре начальника групп совсем не ответили. Надо растить дело дальше. По-видимому, большую помощь мне хочет оказать С. Н. Палеолог[70]. Но если было <бы> возможно, что РОВС и Галл<иполийский> Союз нас и впредь поддержали бы, — то двинулось бы крепко. За *всякую* помощь я буду Вам бесконечно признателен.

В «России» Струве поместил формальную отписку в виде «Дневника политика»; Вам, может быть, попалось это мертвое писание. Он даже не отметил «Правил конспирации», помещенных под заглавием «Как хранить тайну».

Что сделает «Возрождение» — это будет зависеть от настойчивости Чебышева, которому я одновременно пишу. «Рус<ский> кол<окол>» держит линию чисто белую и чисто деловую; он презирает все склоки и будет о них молчать. У нас есть стонущая Россия, дьявольский врач и огромная ответственность за будущее. Но именно потому возможно, что печать будет нас замалчивать. Я думаю, что Чеб<ышев> учел бы Ваше суждение.

С грустью слежу за ложью «Возр<ождения>» по вопросам «новых судебных процессов» в России. С грустью отмечаю двуснастную и малодушную позицию «России» по этому вопросу. И, кажется, правда окажется сказанной только у Милюкова. Сердце рвется, когда думаешь обо всем этом. Мир гибнет не только от злодеев, но еще от кривизны, от непредметности личных людей[71].

Вчера я пережил бурный и тяжелый день. У Наталии Николаевны был неожиданный, острый сердечный припадок. Еле добыли врача, который вспрыснул ей камфору и велел продолжать вспрыскиваться. Теперь ей несколько лучше. Но белым сердцам теперь все труднее жить на свете.

Храни Вас Господь и помоги он Вам на всех путях!

Ваш душевно, как всегда, — Белый[72].

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
13 октября 1927 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Александрович,

Письмо Ваше получил и задержался с ответом, т<ак> к<ак> все эти дни невероятно завален работой. Н. М. Котляревский по семейным своим делам должен был срочно выехать в Брюссель, и я всю обширную переписку веду один.

«Русский Колокол» прочел «от доски до доски». По выражению покойного А. В. Кривошеина[73] «мысли накручены» — в немногих словах сказано исключительно много. Мозг охвачен потоком ярких, огненных слов, слух потрясен набатом Вашего «Колокола». Боюсь только, что рядовой читатель не все осилит. Это единственное сомнение. В остальном прекрасно, как все, что выходит из-под Вашего пера. Когда рассчитываете быть здесь? Ваше присутствие в Париже сейчас было бы весьма полезно. Как здоровье Нат<алии> Ник<олаевны>? Шлю Вам обоим мой душевный привет.

Ваш П. Врангель.

И. А. Ильин — П. И. Врангелю
4 марта 1928 г.

Глубокоуважаемый Петр Николаевич!

Позвольте мне обратиться к Вам с нижеследующей просьбой. Люди безыдейные и жадные сбили моего деньгодателя, положившего основание «Русскому колоколу»; и его рука иссякает. Надо кое-что добыть на следующие три книжки. Для этого мне было бы драгоценно иметь от Вас отзыв: «Р<усскому> к<олоколу>» строк в десять-пятнадцать, о его задаче, о значении и нужности его дальнейшего существования. Этот отзыв я отнюдь не напечатаю, но покажу доверительно тем немногим людям, на поддержку которых можно было бы рассчитывать.

Мы энергично работаем над распространением. Тираж третьей книжки стоит около 900 экземпляров. Дойдя до тиража в 1500 экз<емпляров>, мы вступим в состояние самоокупаемости. Дело дошло уже до Парагвая. Хуже всего покупают в Париже: очень уж много вечеров и вечеринок...

А. А. <фон Лампе> рассказывал мне кое-что из своих впечатлений. Надо это культивировать. Но улита едет медленно; люди думают так, как если бы они булыжники перетирали;

и кожа у носорога всегда отличалась значительною толщиною[74].

Душевно Ваш Б<елый>.

1928.III.4.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
6 марта 1928 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Александрович.

На днях прочел третий номер «Русского колокола». Вы делаете большое и полезное дело. Изгнанническое, серое существование, забота о хлебе насущном, повседневные мелочи жизни принижают дух. Наиболее слабые постепенно засасываются жизнью. Гаснет порыв. Набат Вашего «Колокола» неустанно напоминает, что борьба не кончена, будит усталые души. Гибельному непротивленчеству он противопоставляет действенную, непримиримую борьбу со злом. Усталости и слабоволию — как законность стремления, неугасимую волю. Обывательской приспособленности и мелкодушию — порыв к жертвенному подвигу.

Да не умолкнет звон Вашего «Колокола» и да ширится и крепнет начатое Вами святое русское дело!

Ваш П. Врангель.

П. Н. Врангель — И. А. Ильину
7 марта 1928 г.

Брюссель, 7 марта 1928 г.

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Александрович,

С особым удовольствием исполняю Ваше пожелание. Письмо прилагаю.

Алексей Александрович <фон Лампе>, конечно, подробно ознакомил Вас с теми переговорами, которые мы здесь вели. Как я и предвидел, ничего реального, по крайней мере в ближайшее время, переговоры эти не дали. Цель их была лишь, по-видимому, выяснить возможность совместной работы на случай, ежели бы открылись для этой работы возможности. Вместе с тем я вынес очень хорошее впечатление от моего собеседника. По-видимому, и он остался беседой удовлетворен. Имевшие место переговоры могут иметь значение как закреп-

ление некоторой связи, могущей оказаться полезной в будущем[75].

Передал для «Белого Дела» записки о борьбе на юге России[76]. Я думаю, что опубликование их будет своевременно и полезно. Крым является совершенно обособленным этапом белой борьбы. Он ярко отличается от всего периода борьбы на юге России. Между тем одни сознательно, другие бессознательно этот период затушевывают. А все, что появлялось до настоящего времени о Крыме, кроме книги генерала Дрейера[77], весьма поверхностной, исходило из стана враждебного, освещало Крымский период заведомо предвзято: книги генерала Деникина, «Конец белых» Раковского[78], «Крымская эпопея» Валентинова[79], «В Крыму при Врангеле» князя В. А. Оболенского[80] и пр. Нет *ни одного* просто беспристрастного труда по этому периоду белой борьбы. Мои записки, не претендующие на полноту исторического исследования, но излагающие всю фактическую сторону Крымской борьбы, основанные на неоспоримых документах, дадут возможность беспристрастному читателю разобраться, впервые знакомят широкие круги с тем, что было сделано. Выпуская эти записки не самостоятельным изданием, а в журнале, посвященном собиранию документов о белой борьбе, подчеркивая в предисловии, что мои записки не притязают на значение исторического исследования, а являются лишь записью участника и свидетеля, я, мне кажется, в значительной мере отвожу могущие быть предъявленными к этим запискам обвинения в отношении содержания и изложения. В предисловии к моим запискам я подчеркиваю, что они являются описанием периода белой борьбы, борьбы, которая с отходом Армии на чужбину в иных формах продолжается и впредь. Я даю моему труду название *записки*, а не *воспоминания*, каковое наименование подразумевает что-то закончившееся.

Шлю Наталии Николаевне и Вам мой сердечный привет и крепко жму Вашу руку.

П. Врангель

И. А. Ильин — Н. М. Котляревскому[81]
25 апреля 1928 г.

Дорогой Николай Михайлович!

Мне только что сообщили о Вашей телеграмме. Ни ум, ни сердце, ни *вера в Бога* не принимают кончины Петра Николаевича... Впору возроптать!

Ради Бога, прежде всего, ***до*** *всего остального* удостоверьтесь, заставьте *врачей удостовериться*, что это *не летаргический сон*!!

Именно летаргический сон бывает *при сердечных неврозах*. Не хороните его *до трупных пятен*, до полной *объективной несомненности*, что это настоящая смерть. *Лучше* отложить похороны на день, на два.

Подумайте только: в этом необычайном человеке *все* было необычайно. Это ***особое*** строение *организма, души, инстинкта*.

В смертной тоске обнимаю Вас братски.

1928.IV.25. Ваш И. Ильин.

И. А. Ильин — О. М. Врангель
<1>928.IV.27[82]

Глубокоуважаемая и дорогая Ольга Михайловна!

У меня нет слов, чтобы выразить то горе, то отчаяние, которым охвачена душа. Мы с Наталией Николаевной трепетно ждали известий каждый день и непоколебимо верили в выздоровление; мы и сейчас не можем поверить, что *его нет*. Это мысль просто невыносима для души. Что будет делать Россия без своего единственного, призванного вождя?! Смотрю на людей, стекающихся на панихиды[83] — ходят[84] призраки и даже не понимают, что без *него* они исторический прах и политический мусор.

Ушел мой герой, мой рыцарь, мудрый и вдохновенный. Угас Божий луч. Не в кого верить, некому помогать. Страшно смотреть в надвигающуюся темноту. Страшно за Россию. Куда ведет ее Господь? Зачем так страшно[85] испытует?

Ольга Михайловна! Его память будет всегда священна для меня. Ваше горе — мое горе. Всегда уверенно зовите меня, как только я Вам понадоблюсь.

Помоги Вам Господь![86]

Душою и сердцем Ваш

И. А. Ильин.